

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-24>

УДК 343.141

Attribution

cc by

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ ПРОТОКОЛИРОВАНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ахметзянов Б.Р.

Севастопольский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена новому витку развития следственно-процессуальной деятельности, который характеризуется активным распространением достижений современного прогресса. Особенности протоколирования следственного действия по выявлению электронной и цифровой информации является то, что данный процессуально-следственный документ наделяется доказательственной силой и требует от следователя строгого соблюдения алгоритмизированного порядка обнаружения и закрепления не только сведений о преступлении, но и материального или цифрового носителя данной информации. Автором выделены процессуальные акты, которые фиксируют содержание электронных доказательств; акты, направленные на изъятие устройств, которое, само по себе, выступает в качестве орудия противоправной деятельности; акты, которые направлены на изъятие материальных носителей электронных доказательств. В статье раскрываются проблемы обеспечения сохранения персональных данных и тайны следственного действия. В статье анализу подвергнут дискуссионный вопрос о целесообразности оформления электронных протоколов следственных действий.

Ключевые слова: доказательства, доказательственная сила, информационная безопасность, информационные технологии, носитель информации, протокол, следственное действие, следственные органы, уголовное дело, цифровизация, цифровая информация, электронная информация, электронное доказательство.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE USE OF DIGITAL INFORMATION TECHNOLOGIES
IN THE RECORDING OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Bulat R. Akhmetzyanov

Sevastopol State University

Abstract. The article is devoted to a new stage in the development of investigative and procedural activities, which is characterized by the active dissemination of achievements of modern progress. The peculiarities of logging investigative actions to identify electronic and digital information is that this procedural and investigative document is endowed with evidentiary force and requires the investigator to strictly follow the algorithmic procedure for detecting and securing not only information about the crime, but also the material or digital media of this information. The author identifies procedural acts that record the content of electronic evidence; acts that are aimed at seizing a device that itself acts as an instrument of illegal activity; acts that are aimed at seizing material carriers of electronic evidence.

The article reveals the problems of ensuring the preservation of personal data and the secrecy of investigative actions. The article analyzes the debatable issue of the expediency of issuing electronic protocols of investigative actions.

Keywords: evidence, evidentiary force, information security, information technology, information carrier, protocol, investigative action, investigative authorities, criminal case, digitalization, digital information, electronic information, electronic evidence.

Funding: Independent work.

Введение.

Одними из актуальнейших и притом дискуссионных в современной уголовно-процессуальной науке выступают проблемы правоприменительной следственной и судебной практики, возникающие в связи с цифровизацией документооборота и перспективами протоколирования следственных действий в эпоху цифровых технологий.

Большое число преступлений совершаются исключительно в информационной среде, а в качестве объектов посягательства могут выступать цифровые активы. Способы совершения преступлений также стали более разнообразными и изощренными.

Следственные действия могут быть направлены на выявление необходимой информации относительно преступлений, совершенных при использовании электронной и цифровой среды, что, в свою очередь, находит отражение на способах обнаружения и фиксации соответствующих средств доказывания. Вследствие этого, привычный формат следственных процедур и их протоколирования может быть не применим.

Технологии нового поколения сегодня – это технологии искусственного интеллекта, нейросетевые инструменты, которые в следственной деятельности

способны ускорить обработку большого объема информации.

Востребованность обращения к технологиям искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам актуализировали существенное число авторов, среди которых следует указать В.А. Биляева [4, с. 63-68]. Автоматизация, как таковая, уже давно оптимизировала процедурные аспекты, охватив статистическую и иную учетную информацию. Автоматизирована номенклатурная часть работы следственных органов.

Что касается протоколирования следственных действий, то нейротехнологии способны оказать существенную и реальную помощь при составлении соответствующих процессуальных документов. Так, при описании места событий следователь может сформулировать голосовой запрос – промпт, в котором дать задание по описанию места совершения преступления, изложив основные визуальные точки. Однако полностью самоустраниться следователю при составлении протокола не удастся, поскольку он должен будет дополнительно проверить сгенерированный ответ и внести в него корректировки.

Ответственность за документ, полностью составленный нейросетевыми технологиями, лежит исключительно на следователе, подписавшем соответствующий протокол. В ином случае, при обнаружении ошибок в протоколе следственного действия, возникает дефект, влекущий утрату свойства допустимости.

Таким образом, преимущества использования информационных и цифровых технологий в рамках осуществления следственной деятельности неоспоримы.

Цель данного исследования заключается в осуществлении комплексного анализа правового регулирования применения информационных цифровых технологий при протоколировании следственных действий, выявлении проблем и выработке предложений, направленных на их разрешение.

Для достижения заявленной цели использован формально-юридический метод, применение которого позволило выявить технико-юридические дефекты правового регулирования применения информационных цифровых технологий при протоколировании следственных действий, установить проблемы правоприменения и сформулировать рекомендации.

Практическая значимость исследования связана с теми выводами, к которым приходит автор в части предложения о разработке методических рекомендаций для следователей, где следовало бы изложить как общий понятийный аппарат, так и составить алгоритмизированные инструкции по использованию разнообразного функционала автоматизированной системы протоколирования.

Научная новизна исследования выражается в сформулированном авторском подходе к проблеме внедрения цифровых технологий не только непосредственно в следственную деятельность, но и, в особенности, в процесс их протоколирования.

Результаты.

В работе следственных органов востребованными являются различные способы автоматизации и обработки информации. Автоматизация уже давно ускоряет процесс составления протокольных документов. Например, при помощи алгоритмов «копировать файл», «вставить файл», а также в самом текстовом редакторе алгоритмы «копировать», «вставить», «найти и заменить» значительно оптимизируется процесс оформления протокола.

Следователь, как правило, имеет возможность, скопировав имеющийся у него готовый шаблон аналогичного протокола, внести в него необходимые корректировки и данные. Подобный формат значительно отличается от, имевшей место ранее, исключительно письменной формы, когда следователи в представленные им ведомством бланки вручную записывали всю необходимую информацию, дублируя в отдельных графах некоторые сведения.

Положительно следует оценить внедрение Автоматизированной системы в деятельность Следственного комитета РФ и его подразделений (СТРАС-СК).

Аудио и видео фиксация успешно применяется в работе следственных органов, а их результаты позволяют эффективно справляться с задачей установления обстоятельств противоправного деяния и вины лица, его совершившего. Фиксация визуальной информации успешно производится при помощи использования технологии трехмерного сканирования.

Функциональные характеристики 3D-сканирующих устройств способствуют не только упрощению работы следователя при осмотре места происшествия, но и повышают точность измеряемых параметрических данных.

М.Р. Глушков приводит аргументы в пользу использования технических средств при составлении протоколов, указывая на то, что в определенных обстоятельствах следователи ограничены в возможности досконально описать в протоколе все детализированные аспекты места происшествия и именно видеозапись поможет восполнить образовавшиеся пробелы [5, с. 18].

С.Д. Долгинов совместно с С.О. Луниным указывают на востребованность фотограмметрической съемки, в результате которой следователь получает более точные данные относительно пространственно-геометрического расположения объектов на месте преступления, а не только их визуализацию на фото и видеозаписи [7, с. 375].

Возвращаясь к особенностям протоколирования следственного действия по выявлению электронной и цифровой информации, следует подчеркнуть, что данный процессуально-следственный документ наделяется доказательственной силой и требует от следователя строгого соблюдения алгоритмизированного порядка обнаружения и закрепления не только сведений о преступлении, но и порядка изъятия материального или цифрового носителя данной информации.

В процессуальной литературе обнаруживается полемика о природе протокола в электронном виде, в рамках которой представлены контroversиальные интерпретации электронного протокола как электронного доказательства.

По мнению П.С. Пастухова, следует отказаться от традиционной формы ведения протокола следственного действия, заменив его видеозаписью [9, с. 195].

А.В. Гусев подчеркивает положительный эффект ведения протокола следственного действия в электронном виде, поскольку позволяет консолидировать криминалистическую и вербальную составляющие содержательной стороны следственного действия [6, с. 39].

Протокол следственного действия, с одной стороны, представляет собой носитель информации о фактах и действиях, извлеченных в процессе осуществления следователем доказательно-исследовательской деятельности.

Протоколы следственных действий необходимо подразделить на процессуальные акты, которые фиксируют содержание электронных доказательств; акты, которые направлены на изъятие устройства, которое само по себе выступает в качестве орудия противоправной деятельности; акты, которые направлены на изъятие материальных носителей электронных доказательств.

В протоколе следственного действия, в котором описывается изъятие устройств, должны быть отражены все индивидуализирующие признаки данного технического устройства, его характеристики. Например, при изъятии смартфонов, планшетов, серверов и пр. указывается наименование типа устройства, модель, производитель, серийный номер, артикул (при его наличии).

Более сложным в процедурном аспекте является изъятие системного блока, поскольку последний представляет собой сложное техническое устройство составного типа, функционируемое при укомплектовании самостоятельными устройствами и изделиями, наличие которых обеспечивает работу самого устройства (процессор, блок питания, материнская плата, охлаждающие устройства и пр.). Описательные характеристики даются каждому входящему в комплект устройству в целях, оправданных объемом проверки и экспертизы, при условии, что только при таких параметрах обеспечивается функциональная эксплуатация системного блока, непосредственно выступившего в качестве инструмента противоправной деятельности.

В большинстве случаев, отсутствует необходимость столь тщательной проработки всех компонентов компьютерного устройства и следователям достаточно лишь общих параметрических данных.

В правоприменительной деятельности получило распространение использование электронных документов, юридическая сила которых никоим образом не нивелируется при обращении к электронному формату.

Полагаем оправданным внедрение в следственную деятельность процедурной возможности оформления протокола в качестве электронного документа, подписанного усиленной электронной подписью следователя. Здесь следует иметь в виду, что данный формат имеет смысл лишь при условии, что все участники следственного действия обладают возможностью подписать документ электронной подписью. Соответственно, либо у участников уже должны быть подтвержденные цифровые профили и иметься зарегистрированная усиленная квалифицированная электронная подпись, либо сам следователь должен обладать технической возможностью подписания протокола электронными подписями участников. Для этого необходимо оснастить следственные органы специальными планшетами, токенами и обеспечить соблюдение высоких стандартов информационной безопасности.

Соответственно, в структуре следственных органов необходимо наличие штатной единицы специалистов в области системной и информационной безопасности.

При этом в следственной деятельности следователи сталкиваются с лицами, которые намеренно отказываются от использования технических устройств, и лицами, практикующими цифровое затворничество. В следственной деятельности возможно изъятие отказа в подписании протокола следственного действия участников, в отношении которого такое процессуальное действие произведено. При составлении электронного протокола следственного действия возникает потенциальное уязвимое место в части принципиального отказа участников подписания электронного документа при общем согласии подписания протокола в традиционном печатном виде.

Представляется, что в этом случае следователь должен зафиксировать отказ подписания протокола следственного действия.

В доктринальном дискуссионном пространстве возникает дилемма, связанная с разрешением вопроса о предоставлении права выбора участнику следственного действия определять формат протокола, который он должен подписать.

Полагаем, при введении электронного протокола следственного действия будет нецелесообразно и неоправданно полагаться на усмотрение такого лица и его осознанность. Подобная практика рискует серьезно затруднить работу следователя, принимая во внимание тот факт, что в ходе процессуальных действий могут быть вовлечены несколько лиц, изъясляющих диаметрально противоположные точки зрения.

Кроме того, возникает еще один дискутируемый аспект этого вопроса: Должно ли быть предоставлено такое же право выбора иным участникам – свидетелям – очевидцам, специалистам, понятым и пр.? Каждое из указанных лиц может руководствоваться своими субъективными мотивами при нежелании обращения к электронному формату, например, опасениями о сохранности собственных персональных данных, недоверием к цифровым профилям и т.д.

Именно поэтому, электронный формат протокола следственного действия должен быть закреплен в императивной норме уголовного процессуального закона, не позволяя ни следователю, ни иным участникам следственной деятельности вольно трактовать положения законодательства.

Электронный протокол следственного действия может быть подписан усиленной квалифицированной подписью следователя. Основная сложность, которая существует в настоящее время, связана с проблематикой подписания электронного процессуального акта электронной подписью понятыми.

В целях распространения использования современных цифровых возможностей в следственной деятельности, в частности, и в сфере их протоколирования, необходимо выработать механизм подписания следственного акта любыми гражданами, допускаемыми в качестве понятых, а также лицами, подпись которых в протокольном документе является обязательной.

Полагаем, что в этом случае от следователя потребуется в дополнение к его обычным должностным обязанностям производить манипуляции в качестве лица, администрирующего пользовательские возможности по использованию цифровых технологий иными субъектами, принимающими участие в следственном действии.

Одним из непростых вопросов остается невысокий уровень цифровой и электронной грамотности сотрудников следственных органов.

С.Д. Долгинов, С.О. Лунин в результате проведенного анализа приходят к аналогичным выводам [7, с. 375].

В целях внедрения цифровых технологий при проведении следственного действия и его протоколировании, необходимо осуществить разработку методических рекомендаций для следователей, где следует изложить как общий понятийный аппарат, так и составить алгоритмизированные инструкции по использованию разнообразного функционала автоматизированной системы протоколирования.

Обязательным является и периодическое (не реже одного раза в три года) прохождения обучения следователей по повышению их квалификации в части использования информационных ресурсов и возможностей искусственного интеллекта в следственной деятельности.

Обсуждение.

Анализ правовой сущности протокола следственного действия позволяет акцентировать его доказательственное значение [11, с. 36-46].

Согласно аргументированной позиции П.С. Пастухова, утверждавшего, что протокол, составляемый следователем при производстве следственного действия, ошибочно принимается в качестве первоначального доказательства, тогда как он носит исключительно производный характер [9, с. 194].

По мнению В.С. Шишкина, изложившего устоявшийся в уголовно-процессуальной науке подход, доказательственная сила свойственная лишь некоторым протоколам следственных действий, к которым не относят протоколы допросов и очных ставок [12, с. 372].

Данные сентенции взаимосвязаны между собой, поскольку применительно к протоколам допросов и очных ставок протокол лишь закрепляет имеющиеся личные доказательства, но не выступает в качестве самостоятельного средства доказывания.

Ряд авторов обращают внимание на проблему доказательно-интерпретационной квалификации приложений к протоколам следственных действий. Не оспаривая тот факт, что протокол следует признать самостоятельным видом доказательств, ученые-криминалисты, в частности, А.В. Гусев, критически комментируют саму возможность распространения доказательственной силы и на приложения к искомому протоколу [6, с. 38].

Дискуссионностью обладает и вопрос трактовки электронного протокола в качестве электронного доказательства. В этой связи, необходимо обратиться к категории «электронного доказательства».

В процессуальной доктрине в настоящее время сформирован внушительный пласт исследовательских работ, предмет центричности которых составляют электронные доказательства. Причем, следует выделить труды представителей как уголовной (Ю.И. Андреевой, А.А. Балашовой, А.С. Каменева, А.А. Количенко, А.И. Зазулина, К.В. Малыгина и др.), так и гражданской (А.Н. Балашова, С.П. Ворожбит, М.Г. Горелова, и др.) процессуальной отраслевых наук.

Оставаясь источником информации, электронное доказательство отличается и общей спецификой его формы, и процедурной составляющей, которая оказывает влияние на особенности выявления, закрепления и оценки такого вида доказательства.

В большинстве своём, правоведы обозначают реперные точки, среди которых выделяется носитель сведений, на котором фиксируется цифровая или электронная информация.

Согласно логическим суждениям А.И. Зазулина, необходимым атрибутом цифровой информации признается её носитель, который позволяет воспроизводить в двоичной системе кодирования. Применительно к следственным действиям, автор подмечает, что при совершении противоправных действий в цифровом пространстве представляется невозможным обращение к распространенным видам следственных действий – осмотру, и следует отдать предпочтение выемке цифровых носителей [8, с. 21].

По мнению Ю.И. Андреевой, существенным отличием электронных доказательств в ряду всех прочих является, во-первых, специфика объективной формы, в которой они существуют, и во-вторых, информация сама по себе представляет особый интерес для следственных и судебных органов, в связи с чем

оправдано оперирование понятием «электронная информация» [3, с. 149].

Необходимо обратить внимание на отсутствие терминологического единства в части использования категории информации, содержащейся на электронном или цифровом носителе. В равной степени в научной литературе встречаются термины «электронная информация» (В.Е. Пономарев и др.) и «цифровая информация» (А.И. Зазулин и др.).

Значительный интерес для нас представляют тезисы В.Е. Пономарева, который аргументировал необходимость разграничения категорий «электронный носитель информации» и «источник электронной информации» [10, с. 15]. В развитие данного тезиса, автор выделяет структуру доказательства, представленного в электронном виде, которая включает в себя последовательные компоненты: «электронный носитель информации», «файл» и «информация». По аргументации В.Е. Пономарева, фиксация электронной информации производится в файловой оболочке, а сам источник характеризуется файловой природой [10, с. 15].

Другой автор, Н.Г. Яковлева, высказывает аргументированную точку зрения о необходимости и целесообразности использования термина «цифровой носитель информации» [13, с. 120].

Представляется, что в техническом аспекте данный термин является более точным по сравнению с формулировкой «электронный носитель информации».

А.И. Зазулин разграничивает алгоритм собирания и алгоритм закрепления цифровой информации [8, с. 11].

Стоит согласиться с исследователем в том, что для фиксации и индивидуализирующего обособления информационного ресурса не обязательно изъятие всей компьютерно-инженерной системы. Электронная информация может быть зафиксирована на удаленном носителе – домене, сервере и в распространенных случаях существует сложность изъятия носителя – устройства. Поэтому следователи вправе ограничиться скриншотами и скринкастами - видеозаписями экрана и прочими криминалистическими приемами, позволяющими закрепить информацию о событии преступления и лицах его совершивших.

В настоящее время технические возможности криминалистов позволяют вычленять непосредственный носитель информации и приобщать его к материалам следственного действия. Иной случай представляет собой оперативно-разыскная деятельность, которая требует от сотрудников органов, её производящих, безотлагательности. При производстве оперативно-разыскных действий по пресечению мошенничества в информационно-телекоммуникационной сети и иных составов киберпреступлений, обычно изымаются все компьютерные и цифровые устройства (ноутбуки, смартфоны, серверы, жесткие диски, видеокарты, роутеры и многое другое).

Заключение.

В рамках исследования новых объективных форм ведения протоколов следственных действий, напрашивается серьезный вопрос о целесообразности сохранения бумажной формы документов, фиксирующих ход следственного действия, принимая во внимание изложенные выше преимущества электронного и цифрового формата, возможностей видео и аудио фиксации.

Действительно, современные цифровые технологии и технологии искусственного интеллекта значительно упрощают работу следственных органов и повышают их эффективность.

Вместе с тем, при разрешении указанного вопроса необходимо мыслить стратегическим образом и ни в коем случае не идеализировать возможности технических устройств. Прежде всего, подчеркнем, что любая техника устаревает и может быть несовместимой с обновляемыми версиями. К примеру, спустя пятнадцать лет могут возникнуть значительные трудности с воспроизведением аудио или видео файлов старого формата.

Кроме того, еще одна сложность связана с хранением таких файлов. На каких серверах их следует размещать, какие облачные сервисы использовать, будут ли они доступны в новых реалиях?

Это лишь малая часть вопросов, которые возникают, если следовать идеям некоторых авторов, позиционирующих полный отказ от «бумажного» протокола и материалов уголовного дела в печатной форме. В настоящее время предусмотреть все аспекты обращения к соответствующим протокольным документам не представляется возможным.

Не праздным является, и проблема обеспечения сохранения персональных данных и тайны следственного действия. К сожалению, стоит констатировать, что облачные сервисы и базы данных следственных органов не отличаются повышенной защищенностью.

Для того, чтобы обеспечить информационную безопасность информационных ресурсов органов Министрства внутренних дел Российской Федерации, необходимо, чтобы была развернута единая платформа с самыми серьезными инструментами, для управления которыми потребуется высоко квалифицированные кадры. Здесь, следует иметь в виду, что специалисты в области информационной безопасности экстра-уровня претендуют на достойную оплату их труда, которая, как минимум, в десять раз превышает среднюю оплату труда сотрудника следственного органа. При этом специалисты в области цифровой и информационной безопасности признают, что невозможно полностью защитить информационные ресурсы и информацию, которая на них хранится. Данные аргументы должны иметь отрезвляющий эффект при излишней идеализации достижений современного прогресса.

Дополнительным аргументом против отказа от традиционных письменных и печатных форматов являются инфраструктурные риски, а именно - ставшие сегодня обыденными отключения сети Интернет,

вероятность отключения от присоединенной электрической сети. В подобных ситуациях обращение к «устаревшим» письменным форматам будет единственным возможным решением проблемы.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод о том, что законодательное закрепление

процессуальных аспектов, связанных с ведением протокола следственных действий, является несовершенным и требует пристального внимания со стороны специалистов в области уголовно-процессуального права.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (часть I). - ст. 4921.
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (в ред. от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. ст. 5700.
3. Андреева Ю.И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. 2025. №8. С.147-152. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-147-152 EDN: HTHQNM
4. Биляев В.А. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам // Сборник материалов I Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией "Стратегии противодействия преступности в условиях изменяющейся реальности". - Москва, 2024. - С.63-68.
5. Глушков М.Р. О соотношении протокола и технических средств фиксации хода и результатов следственного действия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 16-20. EDN: UZFFTA
6. Гусев А.В. Доказательственная эклектика результатов процессуальной и технико-криминалистической фиксации следственного действия // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 2 (64). С. 36-41. EDN: NSQDUV
7. Долгинов С.Д., Лунин С.О. Фиксация следственных действий и инновационные способы решения имеющихся проблем // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 365-380. EDN: KTNFMR
8. Заулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: автореферат дис.... кандидата юридических наук. - Екатеринбург, 2018. - 32 с. EDN: BPRQOK
9. Пастухов П.С. "Электронные доказательства" в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств // Общество и право. 2015. №1 (51). С.192-196. EDN: TJYRQJ
10. Пономарев В.Е. Техничко-криминалистическое обеспечение выявления и закрепления электронных доказательств: автореферат дис.... кандидата юридических наук. - Краснодар, 2025. - 22 с.
11. Россинский С.Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10 (131). С. 36-46. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046 EDN: ZQMUQZ
12. Шишкин В.С. Особенности протоколов следственных и судебных действий как документального вида доказательств // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 370-373. EDN: NDLCWD
13. Яковлева Н.Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия "Право". 2024. № 4 (80). С. 117-126. DOI: 10.26456/vpravo/2024.4.117 EDN: NWAATB

References:

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended dated December 29, 2025, No. 535-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (part I). 4921.2.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated December 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended dated February 15, 2024, No. 124) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. art. 5700.
3. Andreeva Yu.I. Electronic evidence in criminal proceedings // Law and Pravo. 2025. No.8. PP.147-152. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-147-152 EDN: HTHQNM
4. Bilyaev V.A. On the issue of the use of artificial intelligence technologies in criminal evidence // Collection of materials of the I International Scientific and Practical Conference dedicated to the celebration of the 10th anniversary of the reunification of Crimea with the Russian Federation "Strategies for combating crime in a changing reality". - Moscow, 2024. - pp.63-68.
5. Glushkov M.R. On the relationship between the protocol and the technical means of recording the progress and results of the investigative action // Problems of law enforcement activity. 2020. No. 4. pp. 16-20. EDN: UZFFTA
6. Gusev A.V. Evidentiary eclecticism of the results of procedural and technical-criminalistic fixation of an investigative action. // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (64). pp. 36-41. EDN: NSQDUV
7. Dolginov S.D., Lunin S.O. Recording investigative actions and innovative ways to solve existing problems // Perm Law Almanac. 2022. No. 5. pp. 365-380. EDN: KTNFMR
8. Zazulin A.I. Legal and methodological foundations of the use of digital information in proving a criminal case: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Yekaterinburg, 2018. 32 p. EDN: BPRQOK
9. Pastukhov P.S. "Electronic evidence" in the adversarial system of criminal procedural evidence // Society and law. 2015. No. 1 (51). pp.192-196. EDN: TJYRQJ

---

10. Ponomarev V.E. *Technical and criminalistic support for the identification and consolidation of electronic evidence: abstract of the dissertation of the Candidate of Law.* - Krasnodar, 2025. - 22 p.

11. Rossinsky S.B. *Protocols of investigative actions: problems of procedural form and evidentiary value* // *Lex Russica.* 2017. № 10 (131). pp. 36-46. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046 EDN: ZQMUQZ

12. Shishkin V.S. *Features of protocols of investigative and judicial actions as documentary type of evidence* // *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities.* 2011. No. 2. pp. 370-373. EDN: NDLCWD

13. Yakovleva N.G. *The use of digital evidence in criminal proceedings of the Russian Federation* // *Bulletin of Tver State University. The Pravo series.* 2024. No. 4 (80). pp. 117-126. DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.117 EDN: NWAATB

Информация об авторе:

Ахметзянов Булат Робертович, аспирант, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», bulatrob@yandex.ru

Bulat R. Akhmetzyanov, postgraduate student, Sevastopol State University

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.